

П.В. Анненков

**Александр Сергеевич
Пушкин в Александровскую
эпоху, 1799-1826 гг.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.В. Анненков**
Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, 1799-1826 гг. / П.В.
Анненков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 340 с.

ISBN 978-5-518-01375-9

ISBN 978-5-518-01375-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ченіе, что мы положили себѣ правиломъ не повторять въ немъ фактовъ и подробностей, однажды напечатанныхъ, такъ какъ полагаемъ, что русской публикѣ должно быть извѣство все сообщенное ей объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея соотечественниковъ. Въ крайнемъ случаѣ, гдѣ мы были приведены ходомъ разсказа къ такому повторенію, мы указываемъ на источники, откуда почерпнули извѣстіе. Такому же воздержанію отъ повтореній мы подчинили себя и при изложеніи литературныхъ мнѣній, явленій и журнальныхъ споровъ той эпохи.

Издавая нынѣ наши очерки отдѣльной книгой, мы не можемъ, однако, не сказать нѣсколько словъ о той части современной намъ журналистики, которая, при первомъ появленіи нашего труда отдѣльными статьями на страницахъ «Вѣстника Европы», устами своихъ публицистовъ выразила мнѣніе, что трудомъ нашимъ оскорбляется память поэта и понижается его личность. Конечно, мы не имѣемъ права ставить въ вину подобнымъ публицистамъ того, что они не распознали нашихъ намѣреній и не могли усмотрѣть въ первой попыткѣ правдиво отнестись къ характеру и жизни поэта — настоящей ея цѣли, а именно, поставить это великое имя внѣ и выше смутныхъ толковъ его недоброжелателей, а также и непризванныхъ его судей, которыхъ у него еще много и до-

селѣ. Все это уже не зависѣло отъ воли самихъ критиковъ нашего труда. Но есть черта въ ихъ полемикѣ, которую мы никакъ не можемъ пропустить безъ вниманія. По всему смыслу ихъ возраженій и обвиненій необходимо заключить, что, въ ихъ мысли, образы замѣчательныхъ людей русской земли должны быть создаваемы на какихъ-то особыхъ основаніяхъ, а не на истинѣ и неопровержимыхъ фактахъ. Мы протестуемъ всѣми нашими силами противъ этого растлѣвающего ученія, и думаемъ, основываясь на успѣхахъ общественнаго нашего развитія, что такое ученіе мало найдетъ себѣ послѣдователей въ средѣ читающей нашей публики, въ какой бы скрытной или наружно-благовидной формѣ ей ни предлагалось.

П. А.

I.

ДО ЛИЦЕЯ.

1799—1811.

Двѣ фамиліи: Ганнибалы и Пушкины. — Легендарная біографія Абрама Ганнибала. — Записки его сына Петра. — Связи, воспитаніе и настроеніе Пушкиныхъ. — Дѣтство поэта. — Проектъ собственныхъ его записокъ о своемъ дѣтствѣ и пребываніи въ лицей.

Не надо быть рьянымъ поклонникомъ ученія о неотра-
зимомъ дѣйствіи фізіологическихъ и нравственныхъ свойствъ
родоначальниковъ семей на все ихъ потомство, чтобы вѣ-
рить въ возможность фамильной передачи нѣкоторыхъ круп-
ныхъ психическихъ особенностей со стороны отца и матери
своей ближайшей отрасли. Нѣкоторое изученіе характера и
натуры А. С. Пушкина неизбежно приводитъ къ заклю-
ченію, что въ основѣ ихъ лежатъ унаслѣдованныя черты и
отличія двухъ родовъ — Ганнибаловыхъ и Пушкиныхъ, толь-
ко значительно переработанныя и облагороженныя ихъ зна-
менитымъ потомкомъ. Любопытно, поэтому, присмотрѣться

ближе къ двумъ элементамъ, которые, такъ сказать, вошли въ составъ нравственнаго существованія А. С. Пушкина и частію опредѣлили его.

Нѣтъ никакой надобности для этого повторять здѣсь еще разъ факты и свѣдѣнія о семействѣ будущаго поэта, собранные и опубликованные прежде. Отсылая по этому предмету читателей къ нашимъ «Матеріаламъ» и къ позднѣйшимъ сборникамъ, мы ограничиваемся въ настоящемъ случаѣ только задачей обрисовать нѣсколько полнѣе, чѣмъ было сдѣлано доселѣ, два своеобразныхъ фамиліныхъ типа, которые дали жизнь поэту и сообщили ему первый психическій матеріалъ, развившійся потомъ въ замѣчательную личность съ другимъ выраженіемъ и съ новыми, неизмѣримо высшими нравственными стремленіями и задатками: одинъ изъ этихъ типовъ былъ коренной русскій и дворянскій, тотъ самый, который возникъ въ средѣ помѣщиковъ прошлаго столѣтія, еще помнившихъ эпоху Петра I-го (представителями его были Ганнибаловы), а другой—полу-русскій и полу-французскій, который образовался къ концу царствованія Екатерины II-й и хорошими представителями котораго можно считать Пушкиныхъ съ отцомъ поэта, Сергѣемъ Львовичемъ, во главѣ.

Дѣти знаменитаго негра Абрама Петровича, родоначальника фамиліи Ганнибаловыхъ, не отстали, какъ извѣстно, въ чинахъ отъ своего отца: такъ, Иванъ Абрамовичъ, болѣе всѣхъ ихъ дѣльный и отличившійся на службѣ, былъ генераль-поручикомъ, а братъ его, Петръ, носилъ названіе генераль-аншефа отъ артиллеріи. Совсѣмъ тѣмъ можно полагать, что образованіе ихъ нисколько не превышало уровня общаго домашняго воспитанія, получаемаго тогда всѣми

дворянскими недорослями. Они имѣли передъ ними одно только преимущество: отецъ ихъ, прошедшій черезъ руки Петра I-го и побывавшій за-границей, сообщилъ имъ, вѣроятно, ту часть математическихъ познаній, которою самъ обладалъ. Этого одного уже достаточно было для устройства имъ хорошей карьеры: они жили въ то время, когда, по свидѣтельству записокъ почтеннаго секундъ-майора Данилова, даже простое знаніе русской грамоты, дѣлавшее человѣка способнымъ на занятіе учительскаго мѣста, могло освободить его отъ торговой казни за уголовное преступленіе и перевести съ площади прямо въ школу. Вообще, не слѣдуетъ забывать, что многое послѣ Петра I-го творилось у насъ скорѣе черезъ посредство вдохновенія, энтузіазма и рѣшимости, чѣмъ черезъ посредство знанія и опытности. Что-то въ родѣ «благороднаго риска» присутствовало всюду, и, благодаря политическому состоянію Европы, замыслы и планы, подсказываемые этимъ «рискомъ», часто вѣнчались полнымъ успѣхомъ. Если можно было командовать флотомъ и одерживать морскія побѣды, въ родѣ Чесменской, безъ опыта и основательныхъ свѣдѣній въ мореплаваніи, то нѣтъ причины полагать, что строитель Херсона, генераль-поручикъ Иванъ Ганнибалъ, воспѣтый Пушкинымъ, былъ чудо своего вѣка и отличался солиднымъ образованіемъ и высокимъ государственнымъ умомъ. По крайней мѣрѣ братъ его, упомянутый выше генераль-аншефъ отъ артиллеріи, Петръ Ганнибалъ, получившій съ нимъ одинаковое воспитаніе, оказывается въ сущности очень простымъ, почти безграмотнымъ человѣкомъ, какъ увидимъ ниже изъ собственноручной его записки.

Да и самъ родоначальникъ фамиліи, сдѣлавшійся, бла-

годаря нашему поэту, почти-что историческимъ лицомъ, негръ-Абрамъ Ганнибалъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, является совсѣмъ не тѣмъ блестящимъ человекомъ, какимъ представилъ его Пушкинъ въ образцовомъ своемъ романѣ «Арапъ Петра Великаго». По этому поэтическому свидѣтельству, арапъ вполне отдался влиянію двора французскаго регента Филиппа Орлеанскаго, къ которому былъ посланъ для окончанія образованія, перенявъ у тогдашней французской аристократіи ея приемы, внѣшнее достоинство и тонъ самоуваженія въ самой служебной и всякой другой подчиненности. Точныя изслѣдованія академика П. П. Пекарскаго, который въ своемъ капитальномъ трудѣ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» приводитъ письмо Ганнибалы изъ Парижа въ Петербургъ, показали, что Абрамъ Петровичъ просто записался во французскую инженерную школу, жилъ въ крайней бѣдности, сдѣлалъ походъ въ Испанію и радъ былъ возвратиться на родину. Это—далеко отъ шумнаго, свѣтскаго и привольнаго существованія военныхъ придворныхъ двора регента, которые, поэтому, и не могли сообщить ему лоска своей образованности. Конечно, съ типомъ арапа, представленнымъ А. С. Пушкинымъ, весьма мало вяжется слѣдующая черта, имъ же приводимая изъ жизни Абрама Петровича. Укрытый, послѣ самовольнаго бѣгства со службы, близъ Ревеля, арапъ нашъ провелъ десять лѣтъ въ постоянномъ трепетѣ за себя и вздрагивая при всякомъ звукѣ почтоваго колокольчика, напоминавшаго ему роковую курьерскую телѣжку,—что осталось у него на всю жизнь, по замѣчанію того же біографа. Даже сотоварищество его съ незнатной молодежью Франціи не могло измѣнить его абиссинскую, мягкую, трусливую,

но вмѣстѣ вспылчивую природу. Она вполне сберегла все свои родовыя особенности, а въ томъ числѣ и склонность къ невообразимой, необдуманной рѣшимости, къ тому, что французы называютъ «un coup de tête»- Черта эта замѣчалась потомъ у многихъ ближайшихъ его потомковъ и замѣняла у нихъ настоящее мужество и нравственную выдержку.

Мы сейчасъ упомянули о бѣгствѣ со службы: легенда о жизни негра Абрама Петровича передаетъ это извѣстiе въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ смерти Петра I-го, всеильный Меншиковъ (1727) удалилъ его отъ двора, давъ ему командировку въ Сибирь, которую онъ самовольно покинулъ, но возвращенный съ дороги, три года пробылъ арестантомъ въ гор. Томскѣ. Долгорукіе, которыхъ онъ былъ сторонникомъ, вѣроятно по ненависти къ Меншикову, не спѣшили, однако же, его возобновленіемъ и, какъ кажется, по одной причинѣ со свергнутымъ ими временщикомъ: и они, какъ Меншиковъ, не любили сближать съ Петромъ II-мъ людей, близко знавшихъ его великаго дѣда. Со всемъ тѣмъ къ концу своего владычества, Долгорукіе, оставивъ его въ Сибири, назначили майоромъ въ тобольскій гарнизонъ. Ганнибалъ этимъ не удовольствовался, конечно, и прибѣгъ къ обычному своему средству: онъ вторично убѣжалъ со службы, и на этотъ разъ благополучно добравшись до С.-Петербурга (1730), явился прямо къ Миниху. Это уже совпадало со страшной эпохой бирюзовщины. Пушкинъ замѣчаетъ, что хотя Минихъ былъ и не робкаго десятка человекъ, но испугался за своеобычнаго майора. Онъ его скрылъ, какъ сказали, близъ Ревеля, а въ 1833 г. выхлопоталъ ему отставку, въ которой Ганнибалъ и состоялъ до 1740 г.,

постоянно ожидая преслѣдованій и гибели, какъ замѣтили прежде. Въ этомъ году Минихъ, сдѣлавшись главою государства, въ свою очередь, при правительницѣ, не позабылъ о бѣгломъ майорѣ, которому, вѣроятно, особенно покровительствовалъ за инженерныя познанія, столь имъ цѣнными, и принялъ его снова на службу, давъ ему мѣсто подполковника артиллеріи въ ревельскомъ гарнизонѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, знавшей его еще мальчикомъ у отца, судьба Ганнибала достигла высшаго своего апогея, давно желанныхъ почестей и богатства. Не есть ли это карьера простодушнаго, взбалмошнаго, но счастливаго авантюриста? Всѣ эти качества не исключаютъ и замѣчательныхъ способностей къ чистымъ наукамъ, какія должно признать за Абрамомъ Петровичемъ ¹⁾.

Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ А. С. Пушкина, есть нѣсколько выписокъ изъ рукописной нѣмецкой біографіи его прадѣда, о которой онъ упоминаетъ въ своихъ замѣткахъ о немъ, разсѣянныхъ по его сочиненіямъ. Самыя замѣтки эти основаны большею частью именно на этихъ выпискахъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ фамильныхъ преданій, но есть между выписками и такія, которыхъ поэтъ не упо-

¹⁾ Послѣ краткой, но обстоятельной и дѣльной монографіи А. П. Ганнибала, составленной М. Н. Лонгиновымъ и помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., № 2-й, всѣ данныя для жизнеописанія знаменитаго арапа, кажется, исчерпаны. М. Н. Лонгиновъ имѣлъ подъ руками и формуляръ Абрама Петровича. Нѣкоторыя догадки и заключенія, вызванныя показаніями этого формуляра, отчасти подтверждаются, отчасти дополняются дальнѣйшимъ нашимъ разсказомъ, но общій характеръ біографіи знаменитаго негра остается, несмотря на эти официальные данныя, все еще съ оттѣнкомъ легенды и преданія, и признаковъ полной исторической правды врядъ ли когдалибо и получить.

требилъ въ дѣло, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Какъ ни мало ихъ число, но въ общемъ разсказѣ Пушкина о своемъ предкѣ онѣ заслуживаютъ получить свое мѣсто, какъ и тѣ, которыя имъ уже были приняты и обработаны—достоверность ихъ совершенно одинакова. Такимъ образомъ, напримѣръ, Пушкинъ полагаетъ, что имя Ганнибала дано Абраму Петровичу Петромъ I, и тѣмъ противорѣчитъ нѣмецкому біографу, который утверждаетъ наоборотъ, что сама фамилія абиссинскихъ князьковъ, изъ которой вышелъ Ганнибаль, возложила на себя это громкое имя въ память кареагенскаго Аннибала, отъ котораго горделиво вела свое происхожденіе. Трудно теперь объяснить себѣ, почему Пушкинъ предпочелъ первую версію второй. По тому же нѣмецкому свидѣтельству, абиссинскіе князьки составили въ прошломъ столѣтіи союзъ съ цѣлю сопротивленія туркамъ, были разбиты ими на-голову, и Абрамъ попалъ, вмѣстѣ съ другими дѣтми, аманатомъ въ Константинополь. Свидѣтельству этому не противорѣчитъ и другой документъ: просьба, поданная самимъ Абрамомъ Петровичемъ въ 1742 г., въ сенатъ о снабженіи его рода надлежащимъ гербомъ. Она, будучи чисто формальнаго содержанія, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго, кромѣ начала, гдѣ проситель говоритъ о себѣ, не безъ тайной гордости, что родился «во владѣніи отца моего, въ городѣ Лагонѣ, который (sic) и, кромѣ того, имѣлъ еще подъ собою два города». Онъ прибавляетъ далѣе, словно не желая или стыдяся упоминать о своемъ пребываніи въ константинопольскомъ сералѣ: «выѣхалъ въ Россію при графѣ Савѣ Владиславовичѣ волею своею въ малыхъ лѣтахъ». Кромѣ попытки сберечь честь фамиліи, въ этомъ показаніи есть еще и благонамѣренная

служебная ложь, посредствомъ которой истецъ старается обойти неприятныя или щекотливыя воспоминанія для своего начальства, ибо сынъ Абрама Петровича, уже упомянутый Петръ Ганнибалъ, въ другомъ документѣ, который сейчасъ увидимъ, замѣчаетъ просто о своемъ отцѣ: «выкраденъ изъ константинопольскаго двора», — что согласно съ исторіей. Цѣль этого страннаго воровства заключалась, по мнѣнію нѣмецкаго біографа, въ томъ, что великій преобразователь Россіи хотѣлъ показать своимъ русскимъ, что образованность можетъ быть доступна всѣмъ человѣческимъ породамъ, и въ новомъ русскомъ государствѣ, имъ устроенномъ, открыть каждому человѣку безъ различія происхожденій путь къ отличіямъ. Объясненіе нѣсколько натянутое и фальшиво глубокомысленное, ибо пріобрѣтеніе разными способами арапчиковъ и другихъ иноплеменныхъ экземпляровъ выходило изъ желанія придать новому петербургскому двору видъ пышности, а уже геній Петра I, забывая о первоначальной цѣли такого пріобрѣтенія, принимался за развитіе способностей, какъ только ихъ находилъ въ человѣкѣ, и давалъ ему потомъ поприще, соотвѣтственное ихъ силѣ и объему ¹⁾. Кромѣ этихъ подроб-

¹⁾ Замѣчаніе это подтверждается еще и тѣмъ, что множество арапчиковъ было выписываемо и прежде и послѣ Абрама Петровича изъ того же Константинополя ко двору и частными лицами. Многіе изъ нихъ и назывались Абрамами — именемъ, какъ-будто уже усвоеннымъ этимъ несчастнымъ дѣтямъ. Академикъ Пекарскій упоминаетъ о служителѣ арапѣ Абрамѣ, отданномъ Петромъ I въ обученіе въ школу при Александро-невскомъ монастырѣ, гдѣ онъ проходилъ букварь. Это было въ 1725 г., когда нашъ Абрамъ Петровичъ уже возвратился въ Россію изъ Франціи и произведенъ въ гвардіи-поручики. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. помѣщено еще извѣстіе о высылкѣ П. А. Толстымъ изъ Константинополя къ вице-канцлеру гр. Головкину трехъ другихъ арапчиковъ въ подарокъ, причемъ одинъ тоже назывался Абрамомъ.